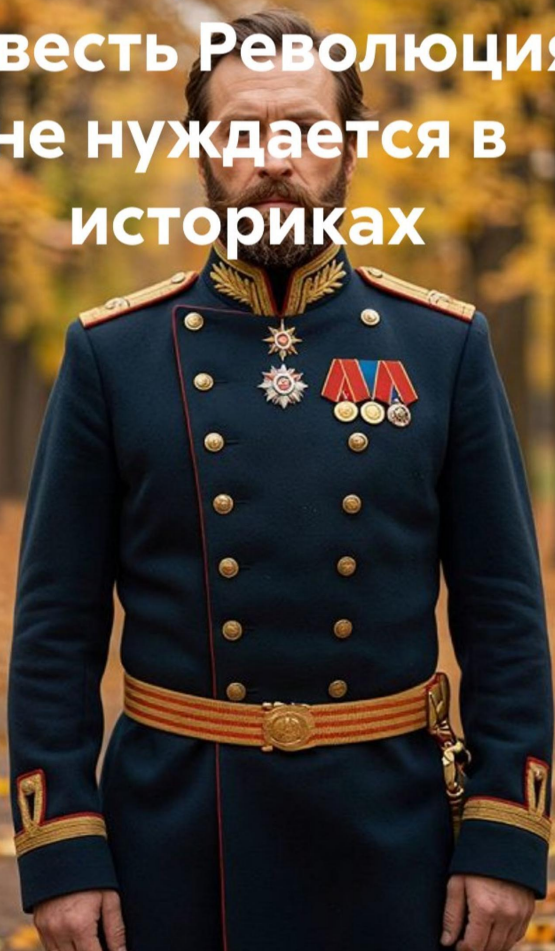

Ярослав Кинчалов

Историческая повесть Революция не нуждается в историках

Ярослав Кичало

Историческая повесть

Революция не нуждается в историках

<https://litres.ru/74599788>

SelfPub; 2026

Аннотация

Осень 1916 года. Российская империя стремительно летит в пропасть, а в самом сердце Царского Села разрастается опухоль, уничтожающая престиж трёхсотлетней династии. Влияние сибирского «старца» Григория Распутина на царскую семью парализует власть. Противостоять временщику решается двоюродный дядя императора — великий князь Николай Михайлович. Для него, авторитетного историка и человека либеральных взглядов, это не личная неприязнь, а принципиальная политическая дуэль за спасение родины.

Пройдя путь от тайных предостережений Николаю II в Ставке до молчаливого одобрения выстрелов на Мойке, князь пытается переписать сценарий надвигающейся катастрофы. Но у истории свои безжалостные законы. Обвинённый родственниками в предательстве и прозванный «Филиппом Эгалите» за поддержку Февральской революции, блестящий учёный окажется перед

лицом новой, куда более свирепой бури, в которой правыми окажутся не политики, а его собственные мрачные пророчества.

Содержание

Глава 1 Историк перед бездной	5
Глава 2 Хозяин Гороховой	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ярослав Кичало

Историческая повесть

Революция не нуждается в историках

Глава 1 Историк перед бездной

Сентябрьский вечер 1916 года опускался на Петроград сырым, тяжёлым саваном. Великий князь Николай Михайлович стоял у огромного окна своего кабинета в Ново-Михайловском дворце, вглядываясь в размытые огни набережной Невы. В руках он держал свежий оттиск своей монографии об эпохе Александра I, но мысли его были бесконечно далеки от дел вековой давности. Историк в нем сейчас уступал место гражданину, и то, что видел этот гражданин, внушало ему леденящий ужас.

Россия летела в пропасть. На фронтах Первой мировой гибли миллионы, в тылу назревал голод, а в самом сердце империи, в Царском Селе, разрасталась опухоль, грозившая погубить всю трёхсотлетнюю династию.

Николай Михайлович отошёл от окна и сел за массивный дубовый стол, заваленный документами, письмами и секрет-

ными донесениями. Внук Николая I, человек глубоких либеральных убеждений и председатель Императорского Русского исторического общества, он привык анализировать факты отстранённо. Но сейчас оставаться беспристрастным наблюдателем было невозможно.

Его главным, непримиримым врагом стал не кайзер Вильгельм и не революционеры-подпольщики. Главным врагом империи он считал одного единственного человека — сибирского мужика с тяжёлым взглядом и грязными ногтями, свившего себе гнездо у самого престола. Григория Распутина.

Для Николая Михайловича это не было вопросом личной неприязни или сословной спеси. Как историк, он ясно видел аналогии с падением великих империй прошлого, где временщики и чернокнижники становились предвестниками краха. Как убежденный монархист, он понимал, что влияние Распутина на царскую семью уничтожает саму сакральность императорской власти в глазах народа и Думы. Брат царя, великие князья, министры — все были бессильны перед гипнотическим влиянием «старца» на императрицу Александру Фёдоровну, а через неё — и на безвольного Ники.

Дверь кабинета тихо скрипнула. Вошёл верный секретарь великого князя, Бруно Альбертович, неся на серебряном подносе вечернюю почту и чашку крепкого чая.

— Ваше Императорское Высочество, — негромко про-

изнёс секретарь, — пришло известие из Ставки. Государь вновь отклонил проект ответственного министерства. Поговаривают, что министра внутренних дел Хвостова всё-таки смещают. На его место прочат Протопопова.

Николай Михайлович резко выпрямился. Его бледное, интеллигентное лицо с аккуратной бородкой исказилось от гневной усмешки.

— Протопопова? Сумасшедшего назначенца Тобольского пророка? — Великий князь ударил ладонью по столу. — Это безумие, Бруно! Распутин уже не просто забавляется в салонах, он открыто кроит русскую политику, назначает министров и командует генералами! Императрица слепа, а Ники... Ники видит в этом мужике спасение для сына, не понимая, что платит за это жизнью всей России.

Он поднялся и зашагал по кабинету, заложив руки за спину. В его голове созрел план. Писать тайные записки царю, которые тот бросал в камин под давлением жены, больше не имело смысла. Нужен был прямой, жёсткий разговор. Николай Михайлович решил лично отправиться в Ставку в Могилёв, чтобы открыть глаза государю, даже если это будет стоить ему ссылки в собственное имение Грушевка.

— Бруно, приготовь мой дорожный мундир, — твёрдо сказал великий князь. — Завтра я выезжаю в Ставку. Если мы не уберём этого сибирского зверя из Царского Села, Романовы не переживут эту зиму.

В этот же самый час на Гороховой улице, в ярко освещён-

ной квартире, окруженный обожательницами и просителями, Григорий Распутин пригубил сладкую мадеру. Его пронзительные, глубоко посаженные глаза сощурились, словно он почувствовал, как на другом конце Петрограда известный учёный в великокняжеских погонах только что подписал ему смертный приговор. Или себе самому.

Глава 2 Хозяин Гороховой

На Гороховой улице, в доме номер 64, пахло сладкой мадерой, тяжёлым ладаном и луком. Этот запах, въевшийся в обои пятикомнатной квартиры на третьем этаже, казался современникам запахом самой новой, непонятной и пугающей России. Здесь, в приёмной «старца» Григория, ломались судьбы, вершилась государственная политика и плелись интриги, перед которыми бледнели замыслы лучших дипломатов Европы.

Григорий Ефимович Распутин сидел во главе стола в просторной столовой. На нём была шелковая рубаша василькового цвета, вышитая руками самой государыни-матушки, и широкие чёрные шаровары, заправленные в мягкие сапоги. Волосы его, давно не знавшие гребня, патлами свисали на плечи, а в окладистой бороде застряли крошки пирога. Но никто из сидевших за столом не замечал этой неряшливости. Все взгляды, полные обожания, страха или заискивания, были устремлены на его лицо — вернее, на его глаза. Глубокие, почти лишённые зрачков, они то светились мужицким лукавством, то загорались пугающим, гипнотическим блеском.

Вокруг него вился привычный рой. Графини и купчихи, актрисы и просители с окраин, крупные чиновники, ждавшие синекур, и банкиры, искавшие госконтрактов. Рядом суетился Арон Симанович, личный секретарь «старца» — че-

ловек с цепким взглядом, который ловко сортировал прошения и конверты.

— Ну, чего приуныли, милые? — прогудел Распутин, обводя присутствующих взглядом. — Пейте, радуйтесь! Господь — он радость любит, а не уныние. Хлебни, Сашенька!

Он подтолкнул бокал с вином к бледной, нервной даме — одной из фрейлин Царского Села. Та преданно пригубила, не сводя с него глаз.

К столу робко приблизился холёный мужчина в дорогом сюртуке — один из ходатаев за крупного петроградского промышленника. Он протянул Распутину бумагу, поверх которой лежал пухлый конверт.

— Григорий Ефимович, батюшка... По поводу поставок сукна для армии. Прежнего начальника снабжения убрали, а новый... Не подпишете ли записочку Александре Фёдоровне? Будьте милостивы.

Распутин взял конверт, не глядя сунул его Симановичу, а бумагу придвинул к себе. Взял огрызок карандаша и крупными, корявыми, похожими на каракули ребёнка буквами размашисто написал: *«Милая мама выслушай его человек хороший надо помочь Гриша»*.

— На, неси, — бросил он просителю. — Всё подпишут. Папа с Мамой меня слушают, потому как через меня к ним Божья воля идёт. А кто супротив Бога прёт — тот прахом пойдёт.

Мужчина рассыпался в благодарностях и попятился к вы-

ходу. Григорий проводил его долгим взглядом, и вдруг лицо его потемнело. Он со стуком опустил серебряную чарку на стол. Атмосфера в комнате мгновенно изменилась, разговоры стихли.

— Что с тобой, Григорий Ефимович? — тихо спросил Симанович, уловив перемену в настроении хозяина.

— Душно мне, Аронка, — хмуро отозвался Распутин. — Волки вокруг ходят. Князя да графы эти... Умники петроградские. Думают, ежели они в академиях книжки читали, так им и Расеей править?

Он поднялся, подошёл к окну и заглянул в темноту петроградской ночи.

— Есть там один, — Распутин сузил глаза, словно видел сквозь стены. — Николашка-историк, Михайлов сын. Ходит к Папе, шепчет, бумажки свои учёные суёт. Меня «нечистью» зовёт. Думает, я не знаю? Всё знаю. Он Маму ненавидит, и меня сжить со свету хочет. Пишет, пишет... Писака великокняжеский!

Распутин резко повернулся, лицо его исказилось от внезапной ярости, он притопнул сапогом.

— Не понимают они, слепцы! Я — щит для ихнего дома! Покуда я жив, и они живы. Убьют меня — и их не станет, вся Расея в крови утопнет, брат брата резать начнёт! А Николашка этот... высоко сидит, да больно падать будет. Хочет в Ставку ехать, Папе глаза открывать? Ну, пушай едет. Папа его послушает, да не услышит. Потому что Бог от них, гор-

децов, лицо своё отвернул!

Он тяжело задышал, вернулся к столу и разом осушил полстакана мадеры. Окружающие сидели замерев, боясь шелохнуться под впечатлением от этого яростного, почти пророческого припадка. Григорий вытер рот рукавом, и на его лицо снова вернулась маска хитроватого, благодушного сибирского мужика.

— Ну, чего замерли, девки? Затягивай песню! Нашу, тобольскую!

Через минуту над Гороховой улицей уже звенел тоскливый, протяжный мотив, а в это время на перроне Николаевского вокзала великий князь Николай Михайлович уже сел в спецвагон, отправлявшийся в Могилёв.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.